

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-4-962-984>

Научная статья / Research article

Сталин и развитие танковых вооружений Красной армии в 1930-е – начале 1940-х гг.

А.А. Киличенков

Российский государственный гуманитарный университет;
125993, Россия, Москва, Миусская площадь, 6; rsuh@rsuh.ru

Joseph Stalin and the development of Tank Forces of the Red Army in the 1930's – early 1940's

Aleksei A. Kilichenkov

Russian State University for the Humanities;
6, Miuskaya Sq., Moscow, 125993, Russia; rsuh@rsuh.ru

Аннотация: В статье на основе вводимых в оборот источников предпринята попытка выявления и исследования совокупности представлений и мнений И.В. Сталина по вопросам развития танковых вооружений в 1930-е гг. В качестве источника использованы документы РГАСПИ и РГВА. Под влиянием серии «военных тревог» конца 1920-х гг. Сталин начал вплотную заниматься вопросами танкостроения, инициировав широкомасштабную программу «танкизации» Красной армии. Программа должна была обеспечить военно-технические превосходство СССР над своими вероятными противниками в качестве компенсации общего отставания. Будучи не в состоянии обеспечить создание собственных современных танков, советское руководство закупило в 1930 г. за границей несколько десятков образцов боевых машин. Сталин лично контролировал и вмешивался в процесс закупок, присутствовал на демонстрации испытаний боевых машин, решал вопрос о количестве производимых танков. Одновременно он пристально следил за техническими новинками зарубежных армий. Структура сталинского интереса к танкам начала 1930-х гг. имеет все признаки «асимметричной альтернативы» как способа преодолеть отставание в условиях подготовки к войне. Анализ результатов прочтения Сталиным направляемых ему документов показывает, что советский вождь скорее искал подтверждение своим взглядам, нежели использовал документы как основу для их формирования. Представления и мнения Сталина по «танковым вопросам» опирались на соображения скорее политического, экономического и логического, нежели военного характера. По этой причине он поддержал идеи М.Н. Тухачевского о создании суррогатных танков на основе тракторов. В середине 1930-х гг., когда армия уже получила тысячи новых танков, Сталин перенес акцент с техники на кадры, одновременно потребовав упрощения конструкций в соответствии с уровнем «среднего и ниже среднего танкиста». Но накануне войны советский вождь вновь вернулся

© Киличенков А.А., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

к необходимости качественного и численного роста танковых войск. Анализируя опыт применения танковых войск в ходе «Зимней войны» и начавшейся войны в Европе, Сталин не смог оценить ударный потенциал этого рода войск и его роль в будущей войне.

Ключевые слова: межвоенный период, И.В. Сталин, Красная армия, танковые войска, локальные военные конфликты

Благодарности: Автор считает своим долгом выразить глубокую признательность рецензентам статьи, взявшим на себя бескорыстный труд ознакомиться с текстом и высказать замечания и рекомендации. Большая часть из них была учтена при подготовке новой редакции статьи, что, несомненно, способствовало улучшению текста.

Для цитирования: *Киличенков А.А.* Сталин и развитие танковых вооружений Красной армии в 1930-е – начале 1940-х гг. // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2019. Т. 18. № 4. С. 962–984. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-4-962-984>

Abstract: The author attempts to analyze the totality of ideas and opinions of I.V. Stalin on the development of tank weapons in the 1930s. Documents of RGASPI and RGVA archives were used as the sources. Influenced by a series of ‘military alarms,’ Stalin began to closely engage with issues of tank construction in the late 1920s, and initiated a large-scale program for equipping the Red Army with tanks. The program was to ensure the military-technical superiority of the USSR over its likely opponents, with the goal to compensate for the overall backlog. As the USSR was unable to create its own modern tanks, in 1930 the Soviet leadership purchased several dozen military vehicles abroad. Stalin personally controlled the procurement process, often intervening in the process; he also attended demonstrations of tests vehicles and decided on the number of tanks that were to be produced. At the same time he closely followed the technical innovations in foreign armies. The study of Stalin’s interest in tanks reveals that in the early 1930s, the Soviet leader thought of the tank weapon as an ‘asymmetrical alternative’ to overcome the broader gap in preparation for war. The present article analyses how Stalin read the documents that were sent to him; this analysis demonstrates that Stalin was more likely to seek confirmation for his existing views than to actually use the documents for coming to new conclusions. In general, Stalin’s ideas and opinions on tank issues were based on political, economic and logical considerations rather than on military expertise. One case in point is his support for M.N. Tukhachevskii when the latter called for the massive production of surrogate tanks based on tractors. In the mid-1930s, when the army had already received thousands of new tanks, Stalin shifted his emphasis from issues of equipment to the quality of the personnel, while at the same time demanding a simplification of machinery down to the level of a ‘crewman with skills that are just medium or even lower.’ But on the eve of the war, the Soviet leader again returned to the need for a qualitative and numerical growth of armored forces. Finally, Stalin analysed how tank forces were used during the Winter War against Finland and in the first years of war in Europe, but he remained unable to assess the strike potential of this weapon and its role in the future war with Nazi Germany.

Keywords: interwar period, Joseph Stalin, Red Army, tank forces, local military conflicts

Acknowledgment: The author expresses his deep gratitude to the reviewers, who took upon themselves the disinterested work to read the text and to make comments and recommendations. Most of them were taken into account when preparing a new variant of the article, which undoubtedly contributed to the improvement of the text.

For citation: Kilichenkov, Aleksei A. “Joseph Stalin and the development of Tank Forces of the Red Army in the 1930’s – early 1940’s.” *RUDN Journal of Russian History* 18, no. 4 (November 2019): 962–984. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-4-962-984>

«Зная Ваше исключительное внимание и интерес к этому вопросу...»¹

Введение

Небывалый рост профессионального и любительского интереса современного российского общества к военной истории в 2000-е гг. имеет явно выраженные «точки притяжения». Главной из них была и остается история Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., среди проблем которой по-прежнему самое пристальное внимание приковывают к себе трагический 1941 г. В то же время события, предшествовавшие началу войны, до сих пор остаются в своеобразной тени исследовательского интереса российских историков. Между тем именно в событиях 1930-х гг. следует искать ответы на вопросы как о причинах поражений Красной армии, так и предпосылки ее побед.

Одной из наименее исследованных тем остается роль высшего военно-политического руководства страны в развитии ее вооруженных сил. Известно, что И.В. Сталин в 1930-е гг. держал под личным контролем создание новой военной техники и принятие ее на вооружение Красной армии и флота. Однако полноценного исследования данной темы до сих пор не проведено, встречаются лишь отдельные упоминания об интересе Сталина к зарубежному танкостроению², осмотре им в марте 1940 г. новой танковой техники³, включая знаменитый танк Т-34, а также обсуждения в декабре 1938 г. конструктивных особенностей будущего тяжелого танка КВ⁴.

Данная ситуация выглядит тем более парадоксальной, если обратиться к отечественной историографии, как военно-промышленного комплекса, так и истории танковых вооружений. Испытав взлет «отложенного интереса» вследствие закрытости обеих тем в советский период, исследователи с лихвой наверстали упущенное в 1990–2010-е гг. Был опубликован целый ряд монографий, в которых на основе внушительного массива открытых в 1990-е гг. документов исследовалась история военной промышленности СССР, включая танкостроение⁵. Наиболее близкой по проблематике к данной статье является уже ставшая классической работа петербургского историка О.Н. Кена, посвященная мобилизационному планированию в СССР межвоенного периода⁶. В монографии среди прочего показана роль Сталина в военно-мобилизационном планировании, разработке и принятии новых программ

¹ Из письма И.А. Халепского И.В. Сталину, 17 декабря 1932 г. См.: РГАСПИ Ф. 558. Оп. 11. Д. 431. Л. 130.

² *Васильев В.В.* И.В. Сталин: «Нам крайне важно иметь чертежи этого танка...». Вклад советской военной разведки в развитие отечественного танкостроения // *Военно-исторический журнал*. 2016. № 5. С. 49.

³ *Коломиец М.В.* Советский средний танк Т-34. Лучший танк Второй мировой войны. М., 2017. С. 43.

⁴ *Коломиец М.В.* Советский тяжелый танк КВ-1. Первые танки Победы. М., 2017. С. 9.

⁵ *Симонов Н.С.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., 1996; *Свирин М.Н.* Броня крепка. История советского танка. 1919–1937. М., 2005; *Быстрова И.В.* Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930–1980-е годы). М., 2006; *Соколов А.К.* От военпрома к ВПК: советская военная промышленность. 1917 – июнь 1941 гг. М., 2012; *Ермолов А.Ю.* Государственное управление военной промышленностью в 1940-е гг.: танковая промышленность. СПб., 2013.

⁶ *Кен О.Н.* Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920 – середина 1930-х годов). М., 2008.

перевооружения Красной армии, борьбе за власть в военной верхушке. Но вопросы развития танковых вооружений и роль в них Сталина лишь упоминаются.

Отдельные аспекты темы предлагаемой статьи затронуты в ряде журнальных публикаций. Так, в статье А.В. Голубева исследуется воздействие «военных тревог» на советскую политическую элиту и военные усилия, одним из результатов которых стала гигантская танковая программа⁷. На то, что в создании массовых вооружений и военной техники советское руководство видело необходимое условие готовности к войне, указывает в своей статье Н.Я. Шепова⁸. Результаты этой программы и ее влияния на готовность армии к войне ставит под сомнение В.А. Гаврилов, считая ее явно гипертрофированной, а сами танки, построенные в первой половине 1930-х гг., – потерявшими ценность к началу войны⁹.

Зарубежные исследователи обратились к истории танковых войск Красной армии в 1970–1980-е гг. Работы этого периода носили преимущественно описательный, иллюстративный характер¹⁰. Необходимо подчеркнуть, что отмеченный характер зарубежных исследований сохранился и в дальнейшем¹¹. Некоторым исключением стали работы, выходящие за привычные рамки иллюстративного подхода, авторы которых исследовали историю советских танковых вооружений в контексте развития доктрин их применения, технологии создания и практики производства¹².

Среди локальных тем наибольший интерес зарубежных исследователей привлекла история появления в СССР танка конструкции американского инженера Дж. Уолтера Кристи, послужившего впоследствии основой для массового производства советских танков серии «БТ». Этот интерес продолжал сохраняться и позже¹³.

В данной статье предпринята попытка анализа совокупности документов, отразивших интерес советского вождя к развитию танковых вооружений Красной армии в 1930-е гг. В личном фонде И.В. Сталина, хранящемся РГАСПИ и фондах РГВА, находится большой объем служебной переписки по вопросам развития автобронетанковых войск Красной армии в межвоенный период. Разрозненность обнаруженных документов и по времени, и по содержанию не позволяет полностью проследить решение конкретных вопросов, в то же время их совокупность дает представление о диапазоне интереса И.В. Сталина. В сочетании с текстами

⁷ Голубев А.В. Советское общество и «военные тревоги» 1920-х гг. // *Отечественная история*. 2008. № 1. С. 49–50.

⁸ Шепова Н.Я. Был ли готов СССР к ведению Великой Отечественной войны? // *Вестник МГИМО Университета*. 2011. № 2 (17). С. 97–98.

⁹ Гаврилов В.А. Канун войны: роковые просчеты // *Вестник МГИМО Университета*. 2011. № 2 (17). С. 110.

¹⁰ Brereton John M. *Russian tanks: evolution and development, 1915–1968*. Berkeley, 1970; Zaloga Steve, Grandsen James. *Soviet tanks and combat vehicles of World War Two*. London, 1984.

¹¹ Fleischer Wolfgang. *Russian tanks and armored fighting vehicles, 1917–1945: an illustrated reference*. Atglen, 1999.

¹² Vlakanic Peter J. Marshal Tukhachevsky and the «Deep Battle»: An Analysis of Operational Level Soviet Tank and Mechanized Doctrine, 1935–1945 // *The Land Warfare Papers*. 1992. № 14. P. 1–34; Hofmann, George F. *Doctrine, Tank Technology, and Execution: I.A. Khalepskii and the Red Army's Fulfillment of Deep Offensive Operations* // *The Journal of Slavic Military Studies*. 1996. Vol. 9. № 2. P. 283–334.

¹³ Hofmann George F. A Yankee Inventor and the Military Establishment: The Christie Tank Controversy // *Military Affairs*. 1975. Vol. 39. № 1. P. 12–18; Hofmann George F. *The United States' Contribution to Soviet Tank Technology* // *Journal of the RUSI*. 1980. Vol. 125. № 1. P. 63–68.

его публичных выступлений образуется достаточно объемный массив материалов, позволяющий реконструировать основные взгляды и представления советского вождя в отношении развития бронетанковых войск предвоенного периода.

«Военные тревоги» и «танкизация» Красной армии

Целенаправленный интерес И.В. Сталина к танкам и развитию бронетанковых войск Красной армии сформировался в конце 1920-х гг., когда серия так называемых «военных тревог» заставила советское руководство вплотную заняться вопросами подготовки страны к надвигающейся войне. Начался пересмотр программ наращивания военной мощи, в процессе которого приоритет среди других родов войск был отдан резкому увеличению численности танковых войск, позже получившему полуофициальное название «танкизация» Красной армии. В первоначальном варианте 1928 г. планировалось к концу первой пятилетки построить 1075 танков, но летом 1929 г. задание на строительство танков было повышено до 1500 единиц в строю и 1500–2000 танков в резерве. Важно отметить, что инициатива этого «танкового рывка» принадлежала ни наркомату по военным и морским делам, ни наркому по военным и морским делам К.Е. Ворошилову, но политическому руководству страны и, прежде всего, ее фактическому лидеру И.В. Сталину. Причем, как признавал позднее Ворошилов, правительство намеревалось поднять планку до 10000 танков, но ему удалось отстоять цифру 3500 единиц¹⁴.

Именно с этого решения начинается период, когда развитие танковых войск и вооружений Красной армии начинает непосредственно контролировать Сталин. В это же время формируются основные его взгляды и представления о размерах и характере необходимой военной мощи советского государства.

15 июля 1929 г. Политбюро ВКП (б) приняло постановление «О состоянии обороны СССР», определившее направление и содержание военного строительства на следующее пятилетие. Само постановление было подготовлено решениями особой комиссии Политбюро, в состав которой входил Сталин. Квинтэссенцией постановления от 15 июля стала установка: «по численности – не уступать нашим вероятным противникам на главнейшем театре войны, по технике – быть сильнее противника по двум или трем решающим видам вооружений, а именно – по воздушному флоту, артиллерии и танкам¹⁵».

Ставка на преимущественное развитие техники, разумеется, не была случайной. К тому времени у Сталина и всего советского руководства уже сложилось понимание общей экономической слабости страны, не позволявшей содержать в мирное время большую по численности армию. Компенсацией этой слабости и стал приоритет развития технических родов войск. В 1932 г. Сталин облек эту мысль в формулу: «Изменившийся за последние годы характер армий, рост техники военного транспорта и развитие авиации, появление механизированных частей и соответствующая организация армии – создают совершенно новую обстановку, лишаящую старые споры о большом количестве дивизий их решающего значения. Нет нужды доказывать, что не количество дивизий, а, прежде всего, их качество, *их насыщенность техни-*

¹⁴ Кен О.Н. Мобилизационное планирование... С. 88–89.

¹⁵ Там же. С. 85.

кой (выделено мной – А.К.) будет играть отныне решающее значение (так в тексте Сталина – А.К.)»¹⁶. Здесь и следует искать объяснение той любви Сталина к техническим родам войск, которая так ярко проявилась в 1930-е гг.

На протяжении всего периода 1930-х гг. в адрес Сталина поступала самая разнообразная информация о строительстве автобронетанковых войск Красной армии и развитии танковых вооружений за рубежом, что позволяло ему не только контролировать строительство этого рода войск в Советском Союзе, но и трансформировать собственные взгляды на применение танков в будущей войне.

Сталин и иностранные заимствования в советском танкостроении

Анализ реакции Сталина на огромный массив направляемых ему документов показывает, что одной из наиболее актуальных для него проблем было заимствование опыта зарубежного танкостроения.

Необходимо отметить, что эта проблема была сверхактуальна для всего советского военного строительства первой половины 1930-х гг. Не имея собственного опыта создания современной военной техники, ни инженерных кадров, ни научно-конструкторских школ, ни технологий, Советскому Союзу волей-неволей пришлось обратиться к зарубежному опыту. И здесь на помощь пришла цикличность экономического развития Запада. Начавшийся в конце 1920-х гг. экономический кризис привел к сокращению военных расходов, ведущие производители вооружений остались без заказов, и советское руководство получило уникальный шанс закупить за рубежом все необходимое для реализации своих гигантских программ перевооружения.

В строительстве бронетанковых вооружений Красной армии эта возможность была использована в самой полной мере. Уже в декабре 1929 г. Политбюро ЦК ВКП (б), осознав, что без иностранных заимствований программу «танкизации» Красной армии выполнить невозможно, принимает решение о начале закупок иностранной техники и получения технической помощи за рубежом, для чего за границу была отправлена авторитетная комиссия из представителей промышленности и военного ведомства во главе с начальником Управления механизации и моторизации (УММ) РККА И.А. Халепским. По результатам ее деятельности в Англии, США, Франции и Германии было закуплено несколько десятков образцов военной техники, послуживших прототипами для серийного производства автобронетанковых вооружений Красной армии.

С самого начала Сталин самым внимательным образом следил за процессом заимствования иностранных танковых новинок. На его имя поступало множество докладов, отчетов и служебных записок о ходе переговоров с иностранными фирмами, предложений о закупке конкретных образцов техники и результатах сделок. Подчас речь шла о совершенно специальных вопросах. Анализ их перечня и содержание информации в целом позволяет очертить круг интересов Сталина к танковым вооружениям. Так, уже в январе 1930 г. зампреда ВСНХ СССР Н. Осинский направил И.В. Сталину письмо о возможности использования немецкого трактора «Линке-Гофман»¹⁷, который «с военной точки зрения является

¹⁶ РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 558. Оп. 11. Д. 447. Л. 2–3.

¹⁷ РГВА (Российский государственный военный архив). Ф. 31811. Оп. 1. Д. 3. Л. 36.

ни чем иным, как истребителем танков или самоходной пушечной установкой. На него ставится 37-мм пушка, способная пробивать броню танка... Как истребитель танков Линке-Гофман, по-видимому, будет хорош»¹⁸.

Куда более пристальное внимание советского вождя вызвала другая техническая новинка того времени – танки-амфибии. Первый образец легкого плавающего танка был создан в Англии фирмой «Виккерс-Армстронг» весной 1931 г. и усиленно рекламировался в прессе. Можно без преувеличения сказать, что плавающий танк для того времени стал настоящей сенсацией. Не удивительно, что информация об этом чуде техники очень скоро дошла до Кремля. 19 ноября 1931 г. Сталин совершенно неожиданно позвонил начальнику УММ РККА И.А. Халепскому, находившемуся в больнице из-за обострения язвы, и в жестком тоне потребовал объяснений по поводу его отказа от покупки плавающего танка Кристи во время нахождения в США закупочной комиссии. Не на шутку взволнованный Халепский немедленно направил Сталину подробнейшее письмо, в котором уверял, что в действительности такого танка у Кристи никогда не было, существовал лишь макет¹⁹. Дело удалось утрясти, тем более что уже через три дня стало известно, что сама фирма «Виккерс-Армстронг» обратилась к советским представителям с предложением продать партию из 20–25 танков-амфибий²⁰. Сталин буквально ухватился за это предложение, о чем 9 декабря 1931 г. сообщил М.Н. Тухачевский в письме К.Е. Ворошилову: «Показали мы т[оварищу]. Сталину и т[оварищу]. Молотову фильм: испытания танка-амфибии Карден-Ллойда. Это чрезвычайно интересно и т[оварищ]. Сталин предложил купить десять штук по 25 тыс. руб. (Виккерс просит по 34 тыс. руб.) Через Темзу этот танк плавает шутя»²¹.

«Высочайшее внимание» сыграло свою роль, и замнаркома обороны М.Н. Тухачевский распорядился немедленно начать переговоры о покупке, и, не дожидаясь их результатов, приступить к созданию собственного плавающего танка, используя имевшиеся фотографии английского образца²². Работы развернулись небывалыми темпами, и уже в апреле 1932 г. советский танк-амфибия Т-33 вышел на испытания²³. В конце июня 1932 г. высшее советское руководство наблюдало демонстрацию первых советских танков-амфибий Т-33 и Т-41, в ходе которой оба танка форсировали водную преграду, а затем «атаковали укрепления противника»²⁴. Явно пребывая в восторге от увиденного, нарком по военным и морским делам К.Е. Ворошилов обратился к Сталину: «Коба! Я думаю, что на [19]33 г. нужно заказать... дополнительно к нашей танковой программе. (Плюс 2 тыс. 3-тон. амфибии)»²⁵. Демонстрация плавающих танков произвела впечатление и на Генерального секретаря ЦК ВКП (б). Обращаясь к участникам военного парада в

¹⁸ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 350. Л. 42–43.

¹⁹ РГВА. Ф. 31811. Оп. 2. Д. 55. Л. 1.

²⁰ Там же. Л. 4.

²¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3 с. Д. 155. Л. 184.

²² РГВА. Ф. 31811. Оп. 2. Д. 55. Л. 4.

²³ *Свирин М.Н.* Броня крепка... С. 151, 153.

²⁴ РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 106. Л. 84–85.

²⁵ Там же. Д. 37. Л. 75.

Москве 1 мая 1934 г., он пожелал танкистам иметь больше этих боевых машин²⁶. Пожелания вождя были исполнены – в 1933–1939 гг. Красная армия получила 4383 плавающих танка четырех модификаций²⁷.

Упомянутый звонок Сталина Халепскому в больницу, разумеется, не был случайным. Советский вождь пристально следил за тем, что и как закупалось для Красной армии. Непростые отношения советского военного ведомства с американским конструктором танков Джоном У. Кристи²⁸, как и освоение в производстве закупленных прототипов, достаточно долго оставались под надзором Сталина. Приобретенные комиссией Халепского два шасси танка «М 1940» успешно прошли испытания весной – летом 1932 г., и на их основе началось производство танков собственной разработки. 1 июля 1932 г. Ворошилов сообщил вождю о готовности нового образца для демонстрации: «Коба! Ты хотел посмотреть новый танк «Кристи». Халепский, получив от меня указание быть готовым, не дает мне покоя – добивается знать, когда мы будем смотреть танку»²⁹. Очередной предмет сталинского внимания оказался весьма удачным, и в 1932–1939 гг. на вооружение Красной армии поступило 8 060 танков серии танков БТ (БТ-2, БТ-5, БТ-7)³⁰, ставших одним из самых известных символов успехов СССР в военном строительстве.

Нарком К.Е. Ворошилов продолжал информировать Сталина о новых изобретениях Дж. Кристи, часть из которых предлагалось срочно приобрести. Весной 1932 г. в Москве стало известно о работе Дж. Кристи над конструкцией безбашенного летающего танка «М 1932», который, имея собственный планер и воздушный винт, работающий от танкового двигателя, теоретически мог совершать управляемый полет, и после приземления, сбросив планер, действовать как обычный танк. Это новое детище Кристи очень увлекло советское руководство. 27 июня 1932 г. Ворошилов обратился к Сталину: «прошу твоей поддержки о немедленном (как только модель будет доработана и представится возможность) приобретении чертежей этой модели “летающего танка”. Не беда, что танк не летает, другие данные этого танка, если верить сообщениям, столь интересны, что его приобретение не может вызывать ни малейших сомнений. Американцы все еще “преют”, и пусть их “преют”, а нам нужно покупать чертежи, ошибки не будет»³¹. После недолгих переговоров Кристи согласился продать советской фирме «Амторг» свой «аэротанк М 1932» за 33 тыс. долл., и осенью 1933 г. начались его испытания в РККА. Но их результаты выявили бесполезность этой покупки³².

Показателен интерес Сталина к новинкам французского танкостроения начала 1930-х гг. Так, в письме И.А. Халепского наркому Ворошилову от 4 сентября 1932 г. сообщалось, что во исполнение поставленной лично Сталиным задачи «достать сведения и материалы о строительстве французами тяжелых танков и,

²⁶ РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 160. Л. 23.

²⁷ Солянкин А.Г. Отечественные бронированные машины. XX век. М., 2002. Т. 1. С. 44–47.

²⁸ Киличенков А.А. Танки конструкции Дж. Кристи и их судьба в США и СССР (1930-е годы) // Новый исторический вестник. 2018. № 2. С. 139–154.

²⁹ РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 37. Л. 52.

³⁰ Солянкин А.Г., Павлов М.В., Павлов И.В., Желтов И.Г. Отечественные бронированные машины. XX век. Отечественные бронированные машины. 1905–1941 гг. М., 2002. С. 76–80.

³¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 715. Л. 55.

³² Желтов И.Г., Павлов И.В., Павлов М.В. Танки БТ. М., 2001. С. 38–40.

в частности, тяжелого 74-тонного танка 2С» во Францию был отправлен «состоящий для особых поручения т[оварищ]. Ратнер»³³. Итогом его шестимесячной командировки стал отчет, переправленный Ворошиловым Сталину с припиской: «Если найдешь пару минут времени, прошу перелистать доклад т[оварища]. Ратнера, интересно, хотя и не всему можно доверять, т.к. материалы, которыми располагал т[оварищ]. Ратнер не безусловно достоверны»³⁴.

Анализ структуры интереса Сталина к зарубежному танкостроению показывает, что его привлекали в первую очередь наиболее оригинальные и, как тогда виделось, перспективные образцы. Речь идет о танках колесно-гусеничной схемы³⁵, танках-амфибиях, летающих танках и танках-истребителях. В этом сочетании объектов сталинского интереса видится определенная закономерность. Каждый из них воплощал качества, которых были лишены классические танки того времени – большая скорость передвижения, способность форсировать водные преграды и подниматься в воздух. Идея танка-истребителя точно так же укладывалась в рамки этой логики, только речь шла, скорее, не о развитии танков, но противотанковой артиллерии. Танк-истребитель обладал подвижностью и защищенностью, недоступными для полевых и противотанковых орудий.

В своей совокупности все эти разработки воплощали идею «асимметричной альтернативы», к которой так тяготело советское руководство. Справедливости ради следует признать, что это скорее черта национальная, нежели идеологическая. Правители России, точно так же, как и большевистские лидеры, не раз и не два поддавались обаянию нестандартного «ответа» в ситуации «вызова» военной угрозы. Примером тому была программа строительства на Балтике в 1860-е гг. мониторов и флотилии миноносков в 1870-е гг. в ожидании возможной войны с Англией, создание в 1880-е – 1890-е гг. целого нового класса боевых кораблей – броненосных крейсеров в качестве «асимметричной» угрозы британскому морскому могуществу. Большевики продолжили эту традицию ставкой на создание в межвоенный период так называемого «москитного флота» (торпедных катеров, подводных лодок, береговой авиации) в противовес линейному флоту вероятных противников. В послевоенный период «асимметричным ответом» Н.С. Хрущева на превосходство Запада в стратегической авиации стала ракетно-ядерная программа перевооружения армии и флота.

Выбор «асимметричной альтернативы» диктовался циклическим отставанием России/СССР от Запада в промышленном и технологическом развитии. Острая необходимость «догнать и перегнать» или хотя бы достичь паритета диктовалась такой же циклическостью военных угроз.

Собственно, явное увлечение советского вождя разного рода новинками танковых вооружений – тому весьма убедительное свидетельство, поскольку реализация ожидаемых преимуществ летающих, плавающих и гибридных (колесно-гусенич-

³³ РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 586. Л. 179.

³⁴ Там же. Л. 180–185.

³⁵ Колесно-гусеничная схема позволяла танку двигаться и на колесах (катках большого диаметра) и на гусеницах. Движение на катках, как правило, использовалось на дорогах с твердым покрытием для переброски в район развертывания, на гусеницах – во время боя, когда требовалось преодолевать препятствия и заграждения. Таким образом обеспечивалась повышенная мобильность танковых подразделений, а также экономия ресурса гусениц, который в 1920–1930-е гг. было весьма ограничен.

ных) танков вместо долгого и дорогостоящего создания классического варианта военной мощи обещала быстрый и недорогой ответ, сводящий на нет превосходство противника. Но сталинская «танковая альтернатива» обладала важной особенностью. Обычно альтернативный вариант замещает собой или предшествует «симметричному» ответу на угрозу. В СССР одновременно с «асимметричным ответом» началось строительство тысяч танков классического типа. В 1930-е гг. Красная армия получила 12,6 тыс. танков Т-26, построенных на основе английского прототипа «Виккерс 6 тонн», закупленного комиссией Халепского³⁶.

Внимание И.В. Сталина к зарубежному танкостроению не ограничивалось лишь техникой, но распространялось и на вопросы тактики применения танков. Ярким примером подобного внимания служит обзор опытных учений механизированной бригады английской армии в сентябре 1932 г., отправленный Сталину начальником УММ РККА И.А. Халепским 17 декабря 1932 г.³⁷ Обзор сопровождался письмом Халепского с многозначительной припиской: «Зная Ваше исключительное внимание и интерес к этому вопросу, представляю настоящий материал с целью информации»³⁸.

Здесь необходимо некоторое пояснение. Совершенно локальное и сугубо военное событие привлекло внимание советского руководства абсолютно не случайно. К тому времени разворачивавшаяся во все больших масштабах индустриализация уже обеспечивала Красную армию новым вооружением, и в первую очередь танками. Советские теоретики вели разработку новых способов ведения войны, сделав ставку на применение в качестве ударной силы механизированных соединений. Признанным лидером и в создании новых типов танков и в теории их применения в 1920-е – начале 1930-х гг. оставалась Англия. В 1927 г. было создано первое экспериментальное механизированное соединение английской армии для отработки вопросов применения танков в будущей войне³⁹. Не удивительно, что с самого начала руководство Красной армии самым внимательным образом отслеживало итоги первых учений английской механизированной бригады. Анализ пометок Сталина в тексте направленных ему документов позволяет выявить его видение того или иного вопроса.

Материалы об учениях английской механизированной бригады армии включали сообщение И.А. Халепского и приложение, составленное аналитиками УММ на основе обзора английской прессы. Начальник УММ обращал внимание Сталина на то, что являло собой «исключительную ценность» – «действия английской механизированной бригады <...> против стрелковой дивизии, заблаговременно занявшей оборонительную полосу и подготовившейся к обороне против действий мехчастей»⁴⁰.

Но, подчеркнув фразу Халепского, «выводы сводятся к следующему», Сталин не выделил ни один из его выводов. Он предпочел сам ознакомиться с документом в полном виде. В первую очередь его внимание привлекла впечатляющая

³⁶ Солянкин А.Г., Павлов М.В., Павлов И.В., Желтов И.Г. Отечественные бронированные машины... С. 70–76.

³⁷ РГАСПИ Ф. 558. Оп. 11. Д. 431. Л. 130–145.

³⁸ Там же. Л. 130.

³⁹ Harris J.P. Men, Ideas and Tanks: British Military Thought and Armoured Forces, 1903–1939. Manchester, 1995. P. 214.

⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 431. Л. 130.

картина разгрома обороняющейся стороны: «В результате двухчасового действия танков, разгром дивизии получился полнейший. Пехота была деморализована, орудия подавлены, штабы разгромлены. Пулеметные гнезда не имели никакого воздействия. Также не могла сдержать наступления танков полевая артиллерия» (здесь и далее подчеркнуто Сталиным при прочтении – *А.К.*). А вот потери атакующей танковой бригады и выводы английского командования о причинах разгрома обороны никакого интереса не вызвали⁴¹.

Из анализа действий танковой бригады на поле боя Сталин остановился лишь на выводах, касающихся средних танков: «Взята под сомнение необходимость средних танков, так как с их задачами вполне справились бы и легкие. Средние, как более тихоходные, привели к ненужным потерям». Но в отличие от английских аналитиков он поставил под сомнение не необходимость самого типа среднего танка, но его тихоходность, считая недостаток скорости причиной больших потерь.

Вопросу о причинах и уроках разгрома стрелковой дивизии в обзоре была отведена основная часть доклада. Сталин подчеркнул нецелесообразность применения полевой артиллерии против танков и совершенно не придал значения возможности применять полевую артиллерию для ведения кинжального огня и ценности использования минных заграждений. (Напомним, что именно эти способы борьбы с танками нашли самое широкое применение в период Великой Отечественной войны.) Судя по отметкам в тексте, И.В. Сталин видел в качестве основного средства борьбы с танками артиллерию специального назначения – мобильную, противотанковую.

Как всегда, наиболее важная часть информации содержалась в заключительной части документа: «Ответ был ясен еще до начала маневров. Целью этих маневров было доказать, насколько несовершенна организация современной английской дивизии на определенных театрах военных действий в борьбе с современной армией, вооруженной броневыми машинами. Дивизия, заняв позицию по ее же выбору, не может противостоять механизированной бригаде. Во время движения шансы дивизии будут еще меньше. Выражаясь в цифрах, можно сказать, что 15–20 тысяч человек не могут противостоять 500–600»⁴². Сталин целиком подчеркнул приведенную цитату. Выделил он и объяснение причин сохранения несовершенной структуры, предложенное УММ: «Этот... ответ [находится] в английском консерватизме. До сих пор основная доктрина, по традиции, заключалась в том, что вооруженные силы всей империи должны быть вылиты в одну форму»⁴³.

Из всего документа данный раздел привлек наибольшее внимание Сталина. Судя по всему, отмеченный вывод совпадал с его представлениями о взаимосвязи между военным могуществом страны и качествами ее политической системы, а также его отношением к Англии, как стране с устаревшей моделью государственного управления.

Сталин и «суррогатные» танки Тухачевского

Прочтение документов о танковых вооружениях глазами политика было очень характерным для Сталина. Сочетание политического подхода с поисками

⁴¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 431. Л. 137.

⁴² Там же. Л. 139.

⁴³ Там же.

«асимметричной альтернативы» проявилось в истории с так называемой «танковой программой» М.Н. Тухачевского. 11 января 1930 г. он направил наркому по военным и морским делам К.Е. Ворошилову «Записку о реконструкции РККА», вызвавшую нешуточный скандал в среде высшего военно-политического руководства⁴⁴. Автор «Записки» предлагал радикально пересмотреть план строительства вооруженных сил СССР, опираясь на планируемые показатели промышленного развития первой пятилетки. Командующий войсками Ленинградского военного округа, недавно сосланный на эту должность с поста начальника Штаба РККА, считал необходимым кардинально увеличить размеры мобилизуемой с началом войны армии со 140 дивизий до 260, вместо 3500 самолетов – 40 тыс., вместо 4000–5000 танков – 50 тыс.⁴⁵ Нарком Ворошилов «принял в штыки» идею Тухачевского и, заручившись отрицательным отзывом начальника Штаба РККА Б.М. Шапошникова, обратился к Сталину: «Тухачевский хочет быть оригинальным и... “радикальным”. Плохо, что в К[расной] А[рмии] есть порода людей, которые этот “радикализм” принимают за чистую монету. Очень прошу прочесть оба документа и сказать мне твое мнение»⁴⁶. Сталин, не колеблясь, принял сторону наркома, обвинив Тухачевского в прожектерстве: «Я думаю, что план т[оварища]. Тухачевского является результатом модного увлечения “левой” фразой, результатом увлечения бумажным, канцелярским максимализмом. Поэтому-то анализ заменен в нем “игрой в цифири”, а марксистская перспектива роста Красной армии – фантастикой. “Осуществить” такой “план” – значит наверняка загубить и хозяйство страны, и армию. Это было бы хуже всякой контрреволюции»⁴⁷.

Но спустя всего несколько месяцев Сталин переменял свое отношение к предложениям Тухачевского. И решающую роль в этом сыграл... «танковый вопрос». Получив возможность обратиться к Сталину с разъяснениями, Тухачевский направил ему подробное письмо, в котором на примере программы производства танков обосновал показатели «Записки о реконструкции РККА» возможностью создания танков на базе тракторов⁴⁸. И это не было легкомысленной фантазией Тухачевского. В письме Сталину он приводил примеры переделки тракторов в импровизированные танки за рубежом, и, главное, в Ленинграде⁴⁹. Приведенные примеры сопровождался оптимистичным выводом: «В общем, вопрос применения трактора и автомобиля для танка надо считать решенным и в наших условиях, на самом же деле ИЗ КАЖДОГО ТРАКТОРА И АВТОМОБИЛЯ МОЖНО ПОСТРОИТЬ ОДИН ТАНК (выделено в тексте документа. – А.К.)»⁵⁰. Подобный способ производства танков вполне позволял построить бронированную армию в 50 тыс. боевых машин.

⁴⁴ Кен О.Н. Мобилизационное планирование и политические решения... С. 143–157.

⁴⁵ Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление... С. 68; РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 446. Л. 18.

⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 447. Л. 9.

⁴⁷ Там же. Л. 8.

⁴⁸ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3 с. Д. 155. Л. 91–91 об.

⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 446. Л. 67 об, 68, 69.

⁵⁰ Там же. Л. 68–70.

Судя по отметкам, аргументы Тухачевского произвели впечатление на Сталина. Подтверждением тому стало быстрое возвращение опального военачальника в Москву – уже в июне 1931 г. – он был назначен начальником вооружений РККА, а затем – заместителем наркома по военным и морским делам. Более того, в мае 1932 г. Сталин отправил Тухачевскому письмо, где признал свою неправоту: «Ныне, спустя два года, когда некоторые неясные вопросы стали для меня более ясными я должен признать, что моя оценка была слишком резкой, а выводы моего письма – не во всем правильными»⁵¹.

Но «танковая программа» М.Н. Тухачевского получила поддержку Сталина не только благодаря примерам успешной переделки тракторов в танки. Намного более важными были ее экономическая и политическая составляющие. В письме Сталину Тухачевский обосновывал необходимость массированного применения танков... экономической выгодой. Он привел расчеты, из которых следовало, что для уничтожения пулеметного гнезда было необходимо израсходовать 75 снарядов 76 мм орудия, стоимость которых составляла 3750 руб., для обеспечения прохода пехоты в проволочном заграждении требовалось 150 снарядов (7500 руб.). В то же самое время для решения обеих задач танку достаточно было одной атаки. Применение танков давало огромную экономию артиллерийских порохов: «Наше узкое место по порохам, – обращал внимание вождя М.Н. Тухачевский, – с особенной настойчивостью требует массового появления танков на поле боя (подчеркнуто Сталиным при прочтении – А.К.)»⁵².

Более важным оказалось предложение Тухачевского использовать для массового строительства танков заводы гражданского профиля вместо специализированных военных⁵³. Таким образом удавалось «убить трех зайцев» сразу – обеспечить массовое производство вооружений уже в мирное время, задействовать гигантский промышленный потенциал сталинской гипериндустриализации и дать обществу зримое объяснение ее необходимости.

Сталин по достоинству оценил инициативу М.Н. Тухачевского, назначив его фактически вторым лицом в военной иерархии. Впрочем, этой «индугенции» хватило всего лишь на пять лет...

Кадры или техника решают все?

Время первых пятилеток стало периодом не просто быстрого, а головокружительного роста танковых войск Красной армии. Если в 1930 г. в ее составе насчитывалось 323 танка, в 1931 г. – 827 танков и 124 танкетки, в 1932 г. – 1237 и 575 соответственно, в 1933 г. – 3214 танков и 2430 танкеток⁵⁴. Принятие на вооружение все новых и новых образцов вело к усложнению структуры бронетанковых войск Красной армии. 13 августа 1933 г. Комиссия обороны рассмотрела вопрос о системе танкового перевооружения РККА. В основу ее решений были положены директивы И.В. Сталина:

⁵¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 447. Л. 2–3.

⁵² Там же. Д. 446. Л. 70 об. – 71.

⁵³ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3 с. Д. 155. Л. 92 об.

⁵⁴ Там же. Ф. 4. Оп. 14. Д. 457. Л. 235; Д. 766. Л. 303; Ф. 33988. Оп. 3. Д. 301. Л. 171.

1. Свести все образцы танкового вооружения к 5 типам;
2. Перевести основные типы танков с гусеничного хода на колесно-гусеничный;
3. Разработать переход всех типов танков на дизель-мотор;
4. Улучшить качество боевых машин, находящихся на вооружении⁵⁵.

Эти директивы отражали видение Сталиным основных тенденций развития бронетанковых вооружений. Переход всех типов танков на дизельный двигатель и колесно-гусеничный ход обеспечивал резкое увеличение показателей мобильности танков и механизированных соединений, расширял возможности их применения. Но одновременно приходится констатировать, что Сталин все же переоценивал уровень советской промышленности и неверно оценивал тенденции развития танкостроения. Ни одна из этих задач так и не была решена к началу войны. Создать линейку дизельных двигателей для всех типов танков не удалось, в серию пошел лишь знаменитый двигатель В-2, устанавливавшийся на танках Т-34 и КВ. Колесно-гусеничная схема, в которой советское военное руководство, включая Сталина, видело почти панацею, оказалась тупиковым вариантом развития, и в конце 1930-х гг. была заменена гусеничной.

Но рост численности советских танковых войск продолжался. В этот же период танки наряду с военной авиацией стали главным участником традиционных военных парадов и демонстрации могущества страны Советов. И с этого же времени Сталин все чаще обращался к «танковой» теме в своих публичных выступлениях.

Первым таким примером стала речь Сталина 2 мая 1934 г. в Большом Кремлевском дворце на завтраке с участниками первомайского военного парада. Весьма примечательно, что, обратившись к собравшимся, Сталин начал с танкистов: «Мои пожелания танкистам:

– Желал бы, чтобы имели побольше амфибий;
– Желал бы иметь побольше Т-28 и Т-35, они показали себя не плохо;
– Дальше, желал бы иметь побольше БТ, но не такие, какие имеются сейчас. БТ хороший танк, но желательно, чтобы у него было побольше ведущих осей, и чтобы они сами себя возили – колесно-гусеничные»⁵⁶. Совершенно необычным было уточнение Сталиным «пожеланий» к колесно-гусеничному танку БТ. Дело в том, что задача по созданию модификации БТ с приводом на три оси вместо одной была поставлена только весной 1934 г.⁵⁷ Сам этот факт свидетельствует о том, что Сталин был прекрасно осведомлен и о подобных планах, и о только что начинавшихся работах.

Очередным публичным выступлением Сталина, оказавшим прямое влияние на развитие танковых вооружений РККА, стала его речь 4 мая 1935 г. на приеме в Кремле выпускников военных академий. Парадоксальность этого влияния состояла в том, что Сталин ничего не говорил о танках и очень мало – об армии. Собственно, сама речь знаменита лозунгом «Кадры решают все!». Применительно к военным

⁵⁵ РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 1272. Л. 21.

⁵⁶ РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 160. Л. 23.

⁵⁷ *Солянкин А.Г., Павлов М.В., Павлов И.В., Желтов И.Г.* Отечественные бронированные машины. XX век. Отечественные бронированные машины... С. 102.

этот лозунг обрел свою конкретику: «Кадры в армии – это очень ценное дело... Вначале мы не умели ценить технику, ломали ее всю... У нас не понимают, что техника – это оружие, но она сама по себе не действует, она действует только в руках людей, умеющих эту технику пустить в ход. Значит, нужны кадры. Мертва без кадров техника, а с кадрами ей предоставлены возможности творить чудеса»⁵⁸.

Вождь осознал, что колоссальные усилия всего государства, позволившие создать огромную военную мощь, натолкнулись на нехватку настоящих профессионалов. Но, если на встрече с «академиками» он всячески превозносил кадры: «Сто машин не стоят одного самого плохого летчика»⁵⁹, то в его директивах акценты составлялись уже иначе. Сталин указывал, что самолеты «должны быть простыми, по-настоящему проверенными до поступления в строевые части, прочно и безотказно действующими, они не должны требовать виртуозности и высокого искусства в пилотировании от летчика. Конструкция наших самолетов и качество их должно быть рассчитано на среднего и ниже среднего летчика»⁶⁰. Говоря иначе, Сталин осознавал, что уровень профессионализма тех самых кадров, которые «решают все», настолько не высок, что даже не соответствует уровню новой техники РККА.

Не удивительно, что сталинские указания относительно новой авиационной техники были взяты к исполнению и в танкостроении. 1 сентября 1936 г. в Автобронетанковом управлении (АБТУ)⁶¹ РККА были подготовлены обоснования системы автобронетанковых войск на третью пятилетку, где прямо говорилось о том, что вышеприведенные «указания товарища Сталина» стали определяющими для всей системы автобронетанковых войск: «Эти указания целиком и полностью относятся к автобронетанковой материальной части. <...> Конструкция боевых машин и качество должны быть рассчитаны на среднего и ниже среднего танкиста»⁶².

Сталин и изучение опыта танковой войны

В очередной раз Сталину пришлось заняться «танковым вопросом» после советско-финляндской войны 1939–1940 гг., в ходе которой АБТУ Красной армии понесли тяжелейшие потери. Всего в ходе боевых действий в период с 30 ноября 1939 г. по 13 марта 1940 г. приняло участие 4668 танков, общее же число потерь составило 3550 машин, из них боевые потери – 1949 (676 единиц потеряно безвозвратно, т.е. не подлежало восстановлению), и еще 1601 танк был утрачен по техническим причинам⁶³. Огромные потери Красной армии в этой войне послужили причиной небывалого события. 14–17 апреля 1940 г. в Москве состоялось расширенное совещание при ЦК ВКП (б) с целью изучения опыта войны с Финляндией. Оно оказалось единственным подобным совещанием, в котором принял участие Сталин. Почти каждому из докладчиков он задавал вопросы.

⁵⁸ *Сталин И.В.* Речь на приеме 4 мая 1935 г. (неправленая стенограмма) // Невежин В.А. Сталин о войне. Застольные речи 1933–1945 гг. М., 2007. С. 55–56.

⁵⁹ Там же. С. 57.

⁶⁰ РГВА. Ф. 31811. Оп. 3. Д. 400. Л. 79, 81.

⁶¹ В 1934 г. УММ РККА было преобразовано в АБТУ РККА.

⁶² РГВА. Ф. 31811. Оп. 3. Д. 400. Л. 79, 81.

⁶³ Там же. Оп. 4. Д. 36. Л. 91.

Танкистов среди выступавших оказалось немного – всего трое из 45 участников, и еще четверо докладчиков так или иначе затронули вопросы применения танков. Но комментарии Сталина были редки и немногословны. Было очевидным, что «танковая проблема» его интересовала мало. Так, выслушав сообщение военкома автобронетанковых войск Северо-Западного фронта полкового комиссара А.П. Сеницына о том, что «обыкновенный 37 мм снаряд прошибает насквозь наш танк», Сталин лишь поинтересовался, какой толщины брони будет достаточно⁶⁴. Такими же односложными замечаниями Сталин отозвался на выступление начальника АБТУ КА комкора Д.Г. Павлова: «Я преклоняюсь перед артиллерией, но здесь, очевидно, забыли танки <...> Пехота без танка в атаку не пойдет.

Сталин: Танки – есть движущаяся артиллерия.

Павлов: С той только разницей, что он бьет прямо в глаз прямой наводкой, а не по площади.

Сталин: Танк есть хорошо защищенная броней артиллерия»⁶⁵.

К танкам Сталин вернулся, выступая в завершении совещания. Перечислив средства современной войны, он поставил на первое место артиллерию («В современной войне артиллерия – это Бог»), затем – «массовую авиацию», танки же были поставлены на третье место: «нужны массовые танки, не сотни, а тысячи. Танки, защищенные броней – это все. Если танки будут толстокожими, они будут чудеса творить при нашей артиллерии, при нашей пехоте»⁶⁶.

Для понимания того, как советский вождь видел проблемы развития танковых войск и вооружений, необходим анализ не только его выступлений, но и того, что Сталин не услышал, на что не обратил внимания. Главные нарекания докладчиков – и танкистов, и общевойсковых командиров – вызвала структура танковых войск. Ярче всего об этом высказался Д.Г. Павлов: «Несчастливая участь постигла нас в РККА – и во время любой войны постигнет – наши дивизионные танки... Больше 7 тыс. разбросано танков по дивизиям и никакой роли они не сыграли... чаще всего были обращены на охрану штабов полков и дивизий... нужно уже сейчас восстанавливать все танковые бригады... хотя бы за счет танков стрелковых дивизий»⁶⁷.

О бесполезности танковых батальонов говорил и единственный среди участников командир танковой бригады Д.Д. Лелюшенко, напоминая, что, не имея своих служб обеспечения, батальоны не могли эвакуировать и ремонтировать подбитую технику, полностью теряя боеспособность за несколько дней боев, в то время как танковые бригады сохраняли ее благодаря собственным ремонтно-эвакуационным подразделениям. Очень остро был поставлен вопрос об отсутствии взаимодействия танков и пехоты⁶⁸. О полной бесполезности столь полюбившихся Сталину танков-амфибий Т-37 и Т-38 сообщил комдив Пшенников⁶⁹. Но никакого интереса ни к одной из этих проблем Сталин не проявил.

⁶⁴ Кульков Е. Зимняя война 1939–1940. Книга вторая. И.В. Сталин и финская кампания. (Стенограмма совещания при ЦК ВКП (б)). М., 1999. С. 35.

⁶⁵ Там же. С. 270.

⁶⁶ Там же. С. 278.

⁶⁷ Там же. С. 268–269.

⁶⁸ Там же. С. 54.

⁶⁹ Там же. С. 30.

Между тем даже эти краткие, подчас отрывочные, выступления вскрыли очень тревожную картину неготовности автобронетанковых войск к современной войне. Структура этого рода войск оказалась непродуманной и не отвечающей требованиям войны, ряд типов боевых машин выявил свою неэффективность, танки были беззащитны перед противотанковой артиллерией и даже крупнокалиберными пулеметами, пехотные командиры и представления не имели о том, как использовать танковые подразделения в бою, о взаимодействии танков с пехотой, артиллерией и авиацией не было и речи. В пору было бить тревогу.

Но Сталин предпочел ограничиться лишь мелкими замечаниями и репликами. В своей заключительной речи он совершенно верно определил главные причины и провального начала этой войны, и огромных потерь, и требования современной войны. И, если в отношении вооружения и военной техники, включая танки, эти требования вполне могли быть удовлетворены довольно скоро, то необходимые качества командиров и штабов еще только предстояло выработать. Сталин совершенно точно определил их содержание: общевойсковой командир «должен знать авиацию, танки, артиллерию с разными калибрами, минометы, тогда он может давать задания. Значит, нам нужен командный состав *квалифицированный, культурный, образованный* (здесь и далее выделено мной – А.К.) <...> Мы должны наладить *культурные, искусно действующие штабы*. Этого требует современная война»⁷⁰. Если бы Сталин завершил свое выступление именно на этом, то сформулированные им требования могли бы послужить мощным стимулом для роста боевой выучки войск, штабов и командиров. Но он закончил иначе: «Наша армия стала крепкими обеими ногами на рельсы новой, настоящей советской современной армии <...> Мы разбили не только финнов <...> Главное в нашей победе состоит в том, что разбили технику, тактику и стратегию передовых государств Европы, представители которой являлись учителями финнов»⁷¹.

Почему Сталин избрал более «оптимистичный» вариант финала своей речи? Запоминается, как известно, последнее слово и последняя мысль. Очевидно, что вождь хотел, чтобы участники совещания запомнили и транслировали именно этот вывод – Красная армия готова к войне с самыми передовыми армиями Европы. Объяснение тому содержится в другом фрагменте речи Сталина, где он рассказал собравшимся о том, как вместе с Молотовым заставил военных отказаться от «культы традиции и опыта гражданской войны» и перейти к войне по-новому: «Гражданские люди – я, Молотов – кое-что находили по части военных вопросов. Невоенные люди специально спорили с руководителями военных ведомств, переспорили их и заставили признать, что ведем современную войну с финнами»⁷². Иначе говоря, Сталин прямо заявил, что именно благодаря ему одержана победа, и благодаря ему Красная армия превратилась в современную военную силу, способную противостоять самым мощным армиям Европы. После этого признавать истинное положение дел было уже невозможно.

⁷⁰ Кульков Е. Зимняя война 1939–1940. Книга вторая. И.В. Сталин и финская кампания. (Стенограмма совещания при ЦК ВКП (б)). М., 1999. С. 279.

⁷¹ Там же. С. 280, 282.

⁷² Там же. С. 277.

Жестокий опыт войны с Финляндией, действительно, стал мощным стимулом обновления Красной армии. Но в конце декабря 1940 г. командному составу вооруженных сил пришлось собраться вновь. Мотивы организации этого совещания еще до конца не изучены. Но есть основания предполагать, что его инициатором был сам генеральный секретарь ЦК ВКП (б). Во время праздничного обеда после парада 7 ноября 1940 г. Сталин совершенно неожиданно выступил с далеко неприветливой, гневной речью. Суть ее свелась к обвинению своего окружения в нежелании учиться: «Люди не хотят учиться, хотя и условия для учебы у нас прекрасные. Думают, что раз они из рабочих и крестьян, раз у них руки мозолистые, они уже все могут, незачем им дальше учиться и работать над собой. Между тем – настоящие тупицы»⁷³. Но все же острота сталинского гнева оказалось направленным на военных, им досталось более остальных: «...Необходимо постоянно учиться и каждые 2–3 года переучиваться. Но у нас не любят учиться. Не изучают уроков войны с Финляндией, уроков войны в Европе <...> Мы не готовы для такой войны, которая идет между Германией и Англией <...> Люди беспечные не хотят учиться и переучиваться. Выслушают меня и все оставят по-старому. Но я вам покажу, если выйду из терпения. (Вы знаете, как я это могу). Так ударю по толстякам, что все затрещит»⁷⁴.

Военные не могли не услышать Сталина, и уже через полтора месяца – 23–31 декабря 1940 г. – в наркомате обороны состоялось совещание командного состава РККА по изучению опыта войны в Европе⁷⁵. Сталин на этом совещании отсутствовал, но затребовал текст заключительной речи наркома обороны маршала С.К. Тимошенко и лично отредактировал его⁷⁶. Разделы, касающиеся применения танков, также подверглись редактированию. Перечисляя «врагов современной обороны», Тимошенко на первое место поставил «танк, применяемый в массе», но Сталин зачеркнул последнее и вписал: «Артиллерия. Это лишний раз показал опыт прорыва линии Маннергейма. Вторым врагом является танк с хорошей броней, применяемый в массовом масштабе»⁷⁷. Приверженность Сталина к артиллерии, почитание ее в качестве «Бога войны» сказалось и в понимании организации обороны. Тимошенко указывал, что первой задачей являлась организация противотанковой обороны, затем – противовоздушная, третья задача – противоартиллерийская оборона. Но Сталин полностью поменял приоритеты, поставив на первое место противоартиллерийскую оборону, противотанковую оборону – на второе место, противовоздушную – на третье⁷⁸. И, наконец, Сталин откорректировал раздел, посвященный использованию подвижных (танковых) соединений. Там, где Тимошенко говорил о «росте самостоятельности действий танковых соединений», Сталин добавил «некотором росте», вместо «более широкой самостоятельности» – «большой самостоятельности», вместо «большой обороноспособности танков» – просто «обороноспособности»⁷⁹.

⁷³ *Димитров Г.М.* 1940 г. 7 ноября. Из дневника // Небезин В.А. Сталин о войне. Застольные речи 1933–1945 гг. М., 2007. С. 118–119.

⁷⁴ Там же. С. 119–120.

⁷⁵ Тогда же, в октябре 1940 г., аналогичное совещание было проведено наркоматом ВМФ СССР.

⁷⁶ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 437. Л. 25–85.

⁷⁷ Там же. Л. 38.

⁷⁸ Там же. Л. 40.

⁷⁹ Там же. Л. 62.

В этой редакции легко распознать мысли, высказанные Сталиным ранее. Главная из них – приоритетная роль артиллерии в современной войне, которую он ставил на первое место и в наступлении, и в обороне. Очевидно и то, что Сталин полагал, что Тимошенко (и военные) склонны преувеличивать значение танков. Из чего можно сделать вывод, что применение вермахтом танков в рамках модели блицкрига не произвело на Сталина особого впечатления. Объяснение следует искать в том, что и командование Красной армии, и Сталин считали, что немцы лишь повторяли советский опыт. Наиболее полно эту мысль высказал на упомянутом совещании в декабре 1940 г. генерал-полковник Д.Г. Павлов: «наши взгляды в отношении применения танков оказались наиболее правильными и нашли себе подтверждение в действиях немецких танковых соединений в Польше и на Западе. Немцы ничего нового не выдумали. Они взяли то, что у нас было, немножко улучшили и применили»⁸⁰.

Оставшись верным своей концепции «ездящей артиллерии», Сталин так и не увидел в действиях танковых сил вермахта 1939–1940 гг. главного. Того, что сочетание огневой мощи и мобильности, помноженные на массивность применения и взаимодействие с другими родами войск, являют собой совершенно новую ударную силу огромной мощи в будущей войне.

Последнее выступление Сталина перед военными накануне войны состоялось 5 мая 1941 г. на встрече с выпускниками академий Красной армии. Генеральный секретарь вновь вернулся к своей прежней идее: «Красная Армия уже не та, что была несколько лет тому назад <...> Мы перестроили нашу армию, вооружили ее современной техникой»⁸¹. Это в полной мере касалось и танковых войск, и вооружений. Сталин напомнил, что прежде «танки имели тонкую броню, противостоящую пушке 37 мм», но «теперь требуется броня в 3–4 раза толще. Есть у нас танки первой линии, которые будут рвать фронт. Есть танки 2–3 линии – это танки сопровождения пехоты. Увеличилась огневая мощь танков»⁸². Численность танков названа не была, но Сталин упомянул количество механизированных дивизий – 100, из которых две трети составляли танковые⁸³. Некоторым продолжением стали тосты Сталина на банкете, завершившем встречу. Во время второго из них Сталин напомнил присутствующим свое понимание сути танков: «Танки – ездящая, защищенная броней артиллерия. Артиллерию можно на танках довести до 130 мм»⁸⁴. Примечательно и то, что Сталин в завершении своего выступления перед академиком вновь вернулся к проблеме соотношения техники и личного состава. Но если в 1935 г. он поставил успех в зависимость от профессионализма кадров, то теперь на первое место опять вернулась техника: «Можно иметь хороший начальствующий состав, но если не иметь современной военной

⁸⁰ Русский архив: Великая Отечественная. Т. 12 (1). М., 1993. С. 254.

⁸¹ *Сталин И.В.* Краткая запись выступления на выпуске слушателей академий Красной Армии. 5 мая 1941 года // *Сталин И.В. Сочинения*. Т. 18. Тверь, 2006. С. 213.

⁸² Там же. С. 214.

⁸³ Там же.

⁸⁴ *Невежин В.А.* Сталин о войне. Застольные речи... С. 146; *Мальшев В.А.* «Пройдет десяток лет, и эти встречи не восстановишь уже в памяти» // *Источник*. 1997. № 5. С. 115.

техники, можно проиграть войну»⁸⁵. Приоритет современной техники объяснялся начавшимся новым этапом перевооружения Красной армии, появлением тех самых толстобронных танков с увеличенной огневой мощностью, объединенных в сотни механизированных дивизий.

Но все-таки более важен другой результат анализа сталинского выступления 5 мая 1941 г. Не было у него понимания и того, что эта сила требовала высочайшего уровня организации и управления, командных кадров такой же высочайшей квалификации. Судя по очередному «шараханию» от кадров к технике, Сталин действительно не понимал, что на войне все-таки главное не танки, а люди, ими управляющие, что хорошо подготовленные командиры на старой технике могут гораздо больше, чем необученные – на новой. Открыть эту истину советскому вождю еще только предстояло, и платить за это запоздалое прозрение пришлось гибелью десятков и сотен тысяч – людей и танков.

Выводы

В конце 1920-х гг. под впечатлением от угроз возможной войны со странами Запада советское руководство приняло ряд решений, положивших начало широкомасштабному перевооружению Красной армии. Особенностью этого процесса оказалась ставка на приоритетное развитие технических войск и среди них – танковых вооружений. С этого времени И.В. Сталин, являвшийся фактическим главой советского государства, взял под свой контроль важнейшие вопросы создания танков и автобронетанковых войск в целом. Не имея ни военного, ни технического образования и опыта, Сталин, тем не менее, постоянно руководил процессом разработки и принятия на вооружение конкретных образцов бронетанковой техники. В целом это вполне соответствовало авторитарному типу политического лидерства. Анализ его предпочтений первой половины 1930-х гг. дает основания для вывода о склонности советского вождя к модели «асимметричного ответа» на вызов военно-технического превосходства Запада. Результатом данного подхода стало появление на вооружении Красной армии многих тысяч танков-амфибий и колесно-гусеничных танков.

Анализ представлений и взглядов Сталина на развитие и применение танков в войне будущего позволяет утверждать, что в основной своей части они прямо коррелировали с политическими и экономическими приоритетами советского лидера. В середине 1930-х гг. Сталин чутко уловил момент, когда дальнейший рост численности военной техники натолкнулся на низкий уровень профессионализма личного состава, и потребовал обеспечить соответствие технической сложности боевых машин уровню «ниже среднего» летчика и танкиста.

Тем удивительнее реакция Сталина на первый реальный опыт применения танков в ходе локальных военных конфликтов, где с ужасающей ясностью проявилась неготовность Красной армии к ведению современной войны. Анализ последних предвоенных высказываний Сталина по «танковому вопросу» показыва-

⁸⁵ *Сталин И.В.* Краткая запись выступления на выпуске слушателей академий Красной Армии. 5 мая 1941 года... С. 214.

ет, что в его взглядах вновь взяла верх идея наращивания численного могущества танковых войск, скорейшего оснащения армии танками новых типов.

Роль И.В. Сталина в развитии автобронетанковых войск Красной армии, вне сомнений, оставалась доминирующей на протяжении всего периода 1930-х гг. Благодаря его решениям к началу Великой Отечественной войны удалось создать самые многочисленные танковые войска в мире. Но допущенные, в первую очередь им самим, просчеты и ошибки привели к тому, что это мощное и дорогостоящее оружие оказалось в руках слабо подготовленных бойцов и командиров.

Рукопись поступила: 3 апреля 2019 г.

Submitted: 3 April 2019

Библиографический список

- Быстрова И.В.* Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930–1980-е годы). М.: ИРИ РАН, 2006. 702 с.
- Васильев В.В.* И.В. Сталин: «Нам крайне важно иметь чертежи этого танка...». Вклад советской военной разведки в развитие отечественного танкостроения // Военно-исторический журнал. 2016. № 5. С. 46–51.
- Гаврилов В.А.* Канун войны: роковые просчеты // Вестник МГИМО Университета. 2011. № 2. С. 109–117.
- Голубев А.В.* Советское общество и «военные тревоги» 1920-х гг. // Отечественная история. 2008. № 1. С. 36–58.
- Димитров Г.М.* 1940 г. 7 ноября. Из дневника // Неvejeин В.А. Сталин о войне. Застольные речи 1933–1945 гг. М.: Яуза, 2007. С. 118–119.
- Ермолов А.Ю.* Государственное управление военной промышленностью в 1940-е гг.: танковая промышленность. СПб.: Алетейя, 2013. 407 с.
- Желтов И.Г., Павлов И.В., Павлов М.В.* Танки БТ. М.: Экспринт, 2001. 183 с.
- Кен О.Н.* Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920 – середина 1930-х годов). М.: ОГИ, 2008. 258 с.
- Киличенков А.А.* Танки конструкции Дж. Кристи и их судьба в США и СССР (1930-е годы) // Новый исторический вестник. 2018. № 2 (56). С. 139–154.
- Коломиец М.В.* Советский средний танк Т-34. Лучший танк Второй мировой войны. М.: Эксмо: Яуза, 2017. 117 с.
- Коломиец М.В.* Советский тяжелый танк КВ-1. Первые танки Победы. М.: Эксмо: Яуза, 2017. 400 с.
- Кульков Е.* Зимняя война 1939–1940. Книга вторая. И.В. Сталин и финская кампания. (Стенограмма совещания при ЦК ВКП (б)). М.: Наука, 1999. 295 с.
- Мальшев В.А.* «Пройдет десяток лет, и эти встречи не восстановишь уже в памяти» // Источник, 1997. № 5. С. 110–120.
- Свирин М.Н.* Броня крепка. История советского танка. 1919–1937. М.: Яуза, Эксмо, 2005. 384 с.
- Солянкин А.Г.* Отечественные бронированные машины. XX век. Т. 1. М.: Экспринт, 2002. 343 с.
- Солянкин А.Г., Павлов М.В., Павлов И.В., Желтов И.Г.* Отечественные бронированные машины. XX век. Отечественные бронированные машины. 1905–1941 гг. М.: Экспринт, 2002. 343 с.
- Соколов А.К.* От военпрома к ВПК: советская военная промышленность. 1917 – июнь 1941 гг. М.: Новый хронограф, 2012. 527 с.
- Симонов Н.С.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М.: РОССПЭН, 1996. 336 с.
- Сталин И.В.* Речь на приеме 4 мая 1935 г. (неправленая стенограмма) // Неvejeин В.А. Сталин о войне. Застольные речи 1933–1945 гг. М.: Яуза; Эксмо, 2007. С. 55–56.

- Сталин И.В. Краткая запись выступления на выпуске слушателей академий Красной Армии. 5 мая 1941 года // Сталин И.В. Сочинения. Т. 18. Тверь: Союз, 2006. С. 213–220.
- Шенова Н.Я. Был ли готов СССР к ведению Великой Отечественной войны? // Вестник МГИМО Университета. 2011. № 2. С. 96–108.
- Brereton John M. *Russian tanks: evolution and development, 1915–1968*. Berkeley: Feist Publications, 1970. 310 p.
- Fleischer Wolfgang. *Russian tanks and armored fighting vehicles, 1917–1945: an illustrated reference*. Atglen: Schiffer, 1999. 230 p.
- Harris J.P. *Men, Ideas and Tanks: British Military Thought and Armoured Forces, 1903–1939*. Manchester: Manchester University Press, 1995. 214 p.
- Hofmann, George F. Doctrine, Tank Technology, and Execution: I.A. Khalepskii and the Red Army's Fulfillment of Deep Offensive Operations // *The Journal of Slavic Military Studies*. 1996. Vol. 9. № 2. P. 283–334.
- Hofmann, George F. A Yankee Inventor and the Military Establishment: The Christie Tank Controversy // *Military Affairs*. 1975. Vol. 39. № 1. P. 12–18.
- Hofmann George F. The United States' Contribution to Soviet Tank Technology // *Journal of the RUSI*. 1980. Vol. 125. № 1. P. 63–68.
- Vlakancic Peter J. Marshal Tukhachevsky and the «Deep Battle»: An Analysis of Operational Level Soviet Tank and Mechanized Doctrine, 1935–1945 // *The Land Warfare Papers*. 1992. № 14. P. 1–34.
- Zaloga Steve, Grandsen James. *Soviet tanks and combat vehicles of World War Two*. London: Arms and Armour Press, 1984. 240 p.

References

- Brereton, John M. *Russian tanks: evolution and development, 1915–1968*. Berkeley: Feist Publications Publ., 1970.
- Bystrova, I.V. *Sovetskiy voyenno-promyshlenny kompleks: problemy stanovleniya i razvitiya (1930–1980-ye gody)*. Moscow: IRI RAN Publ., 2006 (in Russian).
- Dimitrov, G.M. “1940 g. 7 noyabrya. Iz dnevnika.” In V.A. Nevezhin. *Stalin o voyne. Zastol'nyye rechi 1933–1945 gg.*, 118–119. Moscow: Yauza Publ., 2007 (in Russian).
- Fleischer, Wolfgang. *Russian tanks and armored fighting vehicles, 1917–1945: an illustrated reference*. Atglen: Schiffer, 1999.
- Gavrilov, V.A. “Kanun voyny: rokovyye proshchety.” *MGIMO Review of International Relations*, no. 2 (2011): 109–117 (in Russian).
- Golubev, A.V. “Sovetskoye obshchestvo i «voyennyye trevogi» 1920-kh gg.” *Otechestvennaya istoriya*, no. 1 (2008): 36–58 (in Russian).
- Harris, J.P. *Men, Ideas and Tanks: British Military Thought and Armoured Forces, 1903–1939*. Manchester: Manchester University Press Publ., 1995.
- Hofmann, George F. “Doctrine, Tank Technology, and Execution: I.A. Khalepskii and the Red Army's Fulfillment of Deep Offensive.” *The Journal of Slavic Military Studies* 9, no. 2 (1996): 283–334.
- Hofmann, George F. A “Yankee Inventor and the Military Establishment: The Christie Tank Controversy.” *Military Affairs* 39, no. 1 (1975): 12–18.
- Hofmann, George F. “The United States' Contribution to Soviet Tank Technology.” *Journal of the RUSI* 125, no. 1 (1980): 63–68.
- Ken, O.N. *Mobilizatsionnoye planirovaniye i politicheskiye resheniya (konets 1920 – seredina 1930-kh godov)*. Moscow: OGI Publ., 2008 (in Russian).
- Kilichenkov, A.A. “Tanki konstruktssii Dzh. Kristi i ikh sud'ba v SSHA i SSSR (1930-ye gody).” *Novyy istoricheskiy vestnik*, no. 2 (2018): 139–154 (in Russian).
- Kolomiyets, M.V. *Sovetskiy sredniy tank T-34. Luchshiy tank Vtoroy mirovoy voyny*. Moscow: Eksmo; Yauza Publ., 2017 (in Russian).

- Kolomiyyets, M.V. *Sovetskiiy tyazhelyy tank KV-1. Pervyye tanki Pobedy*. Moscow: Eksmo; Yauza Publ., 2017 (in Russian).
- Kul'kov, Ye. *Zimnyaya vojna 1939–1940. Kniga vtoraya. I.V. Stalin i finskaya kampaniya. (Stenogramma soveshchaniya pri TSK VKP (b))*. Moscow: Nauka Publ., 1999 (in Russian).
- Malyshev, V.A. “Proydet desyatok let, i eti vstrechi ne vosstanovish’ uzhe v pamyati.” *Istochnik*, no. 5 (1997): 110–120 (in Russian).
- Shepova, N.Ya. “Byl li gotov SSSR k vedeniyu Velikoy Otechestvennoy voyny?” *MGIMO Review of International Relations*, no. 2 (2011): 96–108 (in Russian).
- Solyankin, A.G. *Otechestvennyye bronirovannyye mashiny. XX vek. Vol. 1*. Moscow: OOO Izdatel'skiy tsentr “Eksprint” Publ., 2002 (in Russian).
- Solyankin, A.G., Pavlov, M.V., Pavlov, I.V., and Zheltov, I.G. *Otechestvennyye bronirovannyye mashiny. XX vek. Otechestvennyye bronirovannyye mashiny. 1905–1941 gg.* Moscow: Eksprint Publ., 2002 (in Russian).
- Sokolov, A.K. *Ot voyenproma k VPK: sovetskaya voyennaya promyshlennost'. 1917 – iyun' 1941 gg.* Moscow: Novyy khronograf Publ., 2012 (in Russian).
- Simonov, N.S. *Voyenno-promyshlennyy kompleks SSSR v 1920–1950-ye gody: tempy ekonomicheskogo rosta, struktura, organizatsiya proizvodstva i upravleniye*. Moscow: ROSSPEN Publ., 1996 (in Russian).
- Stalin, I.V. “Rech' na priyeme 4 maya 1935 g. (nepravlenaya stenogramma).” V.A. Nevezhin. *Stalin o voyne. Zastol'nyye rechi 1933–1945 gg.*, 55–56. Moscow: Yauza; Eksmo Publ., 2007 (in Russian).
- Stalin, I.V. “Kratkaya zapis' vystupleniya na vypuske slushateley akademiyy Krasnoy Armii. 5 maya 1941 goda.” I.V. Stalin. *Sochineniya*. Vol. 18, 213–220. Tver': Soyuz Publ., 2006 (in Russian).
- Svirin, M.N. *Bronya krepka. Istoriya sovetskogo tanka. 1919–1937*. Moscow: Yauza; Eksmo Publ., 2005 (in Russian).
- Vasil'yev, V.V. “I.V. Stalin: ‘Nam krayne vazhno imet’ chertezhi etogo tanka...’ Vklad sovetskoy voyennoy razvedki v razvitiye otechestvennogo tankostroyeniya.” *Military Historical Journal*, no. 5 (2016): 46–51 (in Russian).
- Vlakancic, Peter J. “Marshal Tukhachevsky and the ‘Deep Battle:’ An Analysis of Operational Level Soviet Tank and Mechanized Doctrine, 1935–1945.” *The Land Warfare Papers*, no. 14 (1992): 1–34.
- Zaloga, Steve, and Grandsen, James. *Soviet tanks and combat vehicles of World War Two*. London: Arms and Armour Press Publ., 1984.
- Zheltov, I.G., Pavlov, I.V., and Pavlov, M.V. *Tanki BT*. Moscow: Eksprint Publ., 2001 (in Russian).
- Yermolov, A.Yu. *Gosudarstvennoye upravleniye voyennoy promyshlennost'yu v 1940-ye gg.: tankovaya promyshlennost'*. St. Petersburg: Aleteya Publ., 2013 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Киличенков Алексей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России новейшего времени Российского государственного гуманитарного университета.

Aleksei A. Kilichenkov, Doktor istoricheskikh nauk [Dr. habil. hist.], Professor at the Department of Contemporary History of Russia, Russian State University for the Humanities.